

БАРАНОВ А. Н.

АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ В СТРУКТУРЕ ЯЗЫКА

(паремиология и лексика)

В современной лексической семантике давно уже стало общепринятым положение, согласно которому лексика языка представляет собой модель окружающего мира. В ней специфическим образом зафиксирована определенная совокупность знаний о его структуре и функционировании [1—3]. Аналогичные представления, имеющие очевидную семиотическую окраску, привлекались для описания паремиологической системы языка — пословиц, поговорок, загадок и т. д., часто рассматриваемой как особый уровень языковой организации [4]. Наивной картины мира соответствует свой специфический кодекс правил или, по Аристотелю, особая логика практических рассуждений [5], цель которой состоит в обосновании актов принятия решения, сопровождающих повседневную практическую деятельность человека. Тем самым, с нашей точки зрения, логика практических рассуждений отличается от формальной [или теоретической (см. [6])] не только ориентацией на процесс принятия решений, но и тесной зависимостью от наивной картины мира, формирующейся под непосредственным влиянием естественного языка. Логика практических рассуждений (или естественная логика) включает в качестве одного из важнейших компонентов представления аксиологического характера, т. е. определенным образом организованную совокупность знаний о способах оценки ситуаций и их частей, которая лежит в основе выбора тех или иных практических действий [7, с. 5].

По крайней мере со времен В. И. Даля отмечается оценочный характер значительной части паремий (ср. рубрики сборника пословиц В. И. Даля «Хорошо — худо», «Много — мало», «Далеко — близко» и др. [8]). С указанной точки зрения весьма интенсивно в последнее время изучается и лексическая система языка [7, 9]. Исходя из предположений о том, что между лексической и паремиологической системами языка имеет место некоторый морфизм [10], и учитывая то обстоятельство, что важнейшими компонентами лексики и паремии как моделирующих систем (ср. понимание языка как моделирующей системы в [11]) являются представления аксиологического характера, естественно поставить вопрос о том, каким образом коррелируют являющиеся принадлежностью этих двух систем способы оценки. Ниже представлены некоторые результаты поиска ответа на этот вопрос.

1. Типы оценок. Аксиологические шкалы и уровни оценки. Представление об оценке в философии (особенно в этике), логике и, как следствие этого, в лингвистике связывается прежде всего с оценочными предикатами *хорошо* и *плохо*, исследованию которых посвящена довольно значительная литература (см. [9, 12, 13], см. также в [6] подробные ссылки на имеющиеся исследования по этой проблеме). Такое сужение концепта оценки не-

случайно: в семантике лексем *хорошо* и *плохо* преобладает оценочный компонент значения, дескриптивная же часть как бы вторична. Тем самым за основу логико-философской интерпретации оценки берется «центральная» область соответствующей когнитивной категории. Однако с лингвистической точки зрения суженное понимание оценки вряд ли оправдано, поскольку в этом случае из сферы анализа исключается целый ряд естественных языковых феноменов, реализующих «периферию» когнитивной процедуры оценивания. Так, не следует думать, что предикаты с преимущественно дескриптивным значением (типа *красный, большой, ранний* и т. п.) не могут использоваться в акте оценки и, наоборот, что собственно оценочные лексемы *хорошо* и *плохо* не имеют дескриптивных употреблений. В первом случае квалификация объекта как красного, большого и т. п. вне связи с тем, хорошо это или плохо для кого-либо, вполне может предполагать или иметь следствием определенные действия субъекта, что является одним из важных признаков процедуры оценивания; во втором случае общеоценочные предикаты *хорошо* и *плохо* в дескриптивном употреблении характеризуют лишь группу свойств объекта, типичных для «хороших» представителей данного класса объектов [14, 6].

Тем самым с определенной точки зрения значительная часть предикатов, в значении которых содержится указание на приписывание объекту, ситуации или пропозиции некоторого признака, должна по крайней мере допускать оценочные употребления. Об этом свидетельствуют и сочетаемостные свойства слов *оценка* и *оценивать*, выражающих обыденные представления человека об оценочных категориях (ср. оценки рациональные и эмоциональные, правильные и неправильные, оправданные и неоправданные, истинные и ложные, естественные и неестественные, этические и утилитарные, количественные и качественные и т. д.). Здесь мы вступаем в сферу частных оценок, многообразие которых исключительно велико [7]. Существенно, что носитель языка включает в число оценок не только ценностно-ориентированные концепты (ср. *правильный* — «истина», *неправильный* — «ложь»), но и понятия, которые могут далеко отстоять от ценностных категорий; так, количественные оценки по [6, с. 25] также относятся к оценочным концептам особого типа.

Такая интерпретация оценочных категорий опирается на определенные представления о структуре когнитивной процедуры оценивания. Последняя включает по крайней мере следующие важнейшие компоненты: (i) выбор объекта (предмета) оценки; (ii) выбор признака (основания) оценки; (iii) сопоставление предмета оценки с оценочным признаком; (iv) выбор значения признака оценки; (v) приписывание значения признака оцениваемому объекту; (vi) ориентация акта приписывания значения оценочного признака на возможность участия в процессе принятия решения (последний включает выявление альтернатив разрешения проблемной ситуации, оценку альтернатив, выбор одной из них).

Участие в процессе принятия решения в первую очередь присуще оценкам в точном смысле этого слова, т. е. предикатам с преобладанием оценочного компонента значения (ср. «рекомендательную» функцию оценки по [14]). Дескриптивный характер количественных и прототипических оценок (см. ниже) делает их в этом отношении менее определенными.

Заметим, что «выбор» в акте оценки имеет тот же статус, что и в контрастивных конструкциях [15] и рестриктивных определениях. Таким образом, речь идет об эксплицитном, явном выборе значения признака оценки; при отсутствии явных альтернатив оценки процедура оценивания становится невозможной и превращается в дескрипцию. В предло-

женном понимании оценка не равнозначна не только дескрипции, но и классификации, поскольку классификация — это процедура, приводящая к разбиению множества объектов (ситуаций) на группы на основании предварительной оценки элементов этого множества (о различии оценки и классификации см. также [9, с. 145—149]).

Когнитивные категории по-разному проявляются в структуре естественного языка [16]. Естественноречевые рефлексы ментальной процедуры оценивания сосредоточены преимущественно в области иллокутивной семантики и в сфере лексического значения. В первом случае следует говорить о речевом акте оценки, а во втором — о соотношении оценочных и дескриптивных смыслов в плане содержания слова. Компоненты содержания оценки как особого типа речевого акта определяются структурой ментальной процедуры оценивания. Языковая оценка говорящим объекта X как q (обладающего характеристикой q) означает, что «говорящий, определив некоторый признак Q [основание оценки], сопоставив Q с X , выбрав в результате сопоставления q [значение признака Q] и полагая, что выбор q для X может влечь некоторое следствие Y [аналог акта принятия решения], говорит: q (есть) характеристика X ».

При таком подходе сама «характеристика» выступает как инвариант дескрипции и оценки. Варьирование оценочных и дескриптивных свойств характеристики q определяется эксплицитностью переменных Q и Y . Переменная Q представлена признаком (основанием) оценки и соответствующей этому признаку шкалой; q выражает конкретное значение признака Q . Предположительная связь q с Y отражает представления говорящего об участии оценки в акте принятия решения, т. е. о «рекомендательной» силе оценивания. Чем менее определен признак Q , его шкала, выбор q и основания этого выбора, чем меньше ясности с принятием решения Y , тем меньше собственно оценочных свойств у характеристики q . Тем самым истинная оценка отличается от истинной дескрипции прежде всего каузальностью (т. е. наличием обоснования характеристики q — установлением признака Q и сопоставлением его с X), выбором (выбор значения признака Q на основании его сопоставления с X) и ориентацией на акт принятия решения.

В силу этого вопрос *почему* более уместен по отношению к оценке, чем к дескрипции; оценка должна быть внутренне обоснована, аргументирована, ср.: — *Вы уже работали раньше?* — *Да, недолго.* — *Это плохо.* — *Почему?* — *Потому что недолго*; дескрипция же в точном смысле спонтанна и часто неконтролируема, ср.: — *Комната была совсем пуста, лишь в середине стоял круглый дубовый стол.* — *?Почему круглый?* Отсюда легкость мотивировки оценки и затруднительность мотивировки истинной дескрипции, ср.: *Он неосторожен / вероломен, потому что... и ?Снег бел, потому что...*, ср., однако, появление оценочной составляющей во фразе *Снег еще бел, потому что недавно выпал*. Собственно говоря, мотивировка дескрипций возможна, однако для этого говорящему приходится привлекать законы онтологии, т. е. в качестве признака Q выступают закономерности устройства реального мира, ср.: *Снег бел, потому что так устроен мир; Этот стол круглый, потому что его так сделали и т. п.* Тем самым обоснование дескрипций требует привлечения более общих категорий, относящихся к модели мира субъекта, к его представлениям о действительности.

Для изучения функционирования оценочных категорий часто привлекаются определенным образом упорядоченные аксиологические шкалы,

соответствующие оценочному признаку [9, 17—19]. В этом случае моделью акта оценки является выбор фиксированных в данной ситуации общения отрезков или точек шкалы. Для дальнейшего изложения наиболее существенно представление о количественных, прототипических, гомеостатических и общих оценках, а также о связанных с ними аксиологических шкалах. Одним из исходных пунктов аксиологического анализа ситуации и ее компонентов является оценка по количественным параметрам (ср. счетные слова в китайском и других языках, а также русские лексемы *штука, килограмм, литр* и др.). Преимущественно дескриптивный статус лексических единиц с «количественным» значением, как правило, приводит к игнорированию «оценочного потенциала» этого важного класса лексем, имеющих не только дескриптивные, но и оценочные употребления, на что недвусмысленно указывают зафиксированные в лексической системе языка — в предикатах типа *оценивать, давать оценку* — наивные представления о сущности оценивания (ср. пример Дж. Остина: *Давать оценку — верную или неверную — например, что сейчас половина третьего* [20, с. 112]). Количественные оценки входят в большой класс дескриптивных оценок, представленных в акте оценивания лексемами, в значениях которых преобладает дескриптивный компонент. Терминологического противоречия здесь не возникает, поскольку в оценочных словах органично соединены дескрипция и оценка; фактически речь может идти лишь о преобладании дескриптивных или оценочных смыслов. В функции дескриптивных оценок могут выступать, например, прилагательные, обозначающие цвета, ср.: *Это яблоко слишком зеленое, сорви другое, вот то — красное*. Понятно, что оценочные смыслы в наибольшей степени проявляются в предикативной позиции. Из дескриптивных оценок нас далее будут интересовать преимущественно количественные оценки (К-оценки).

Количественная оценка позволяет сопоставить результаты первичного аксиологического анализа с некоторой прототипической шкалой прагматического характера, дающей возможность выявить положение исследуемой ситуации (или ее компонентов) по данному количественному параметру среди других аналогичных ситуаций (иными словами, сравнить с тем, «что бывает»). Для выражения таких оценок часто используются наречия степени *много, мало, немного, чуть-чуть* в примерах типа (1) *Он получает мало писем*; (2) *В графине еще оставалось немного (чуть-чуть) воды*. В этом случае можно говорить о прототипических оценках (П-оценках). С другой стороны, количественные оценки (прямо или через посредство прототипических) могут быть использованы для характеристики ресурсов, необходимых для достижения тех или иных целей, преследуемых субъектом. Рассматриваемый тип оценок также связан с аксиологической шкалой, позволяющей выявить степень приложения усилий, требуемых для достижения некоторой цели, и сравнить ее с «запасом» соответствующих ресурсов, имеющихся у человека. Такие оценки называются ниже гомеостатическими или целевыми (Г- или Ц-оценки), поскольку они связаны с обеспечением условий гомеостаза ¹ (ср.: *Этого вполне достаточно, Это меня устроит* — достаточно для достижения некоторой цели; *Этих денег слишком мало* — недостаточно для достижения цели). Общие оценки (О-оценки), выражаемые прежде всего аксиологическими предикатами *хорошо и плохо*,

¹ Под гомеостазом понимается такое состояние системы (организма), при котором обеспечивается ее относительное постоянство и устойчивость ее главных функций.

существенно более субъективны и одновременно более универсальны. Они могут характеризовать отношение человека к любому из предшествующих типов оценок, связывая их со свойствами, подобными желательности и нежелательности. Таким образом, общие оценки представляют собой метаоценочную категорию, сферой действия которой является не просто ситуация или соответствующая ей пропозиция, а своеобразная «амальгама», сплав из описания положения дел и приписанных этому положению дел частных оценок различных типов. Более подробно взаимодействие оценочных категорий обсуждается ниже, а теперь вернемся к шкалам прототипических, гомеостатических и общих оценок.

Шкалу количественных оценок можно представить в виде оси, элементы которой расположены слева направо в порядке возрастания. В зависимости от ситуации элементам приписывается соответствующая размерность (*штука, килограмм, метр* и т. д.). Шкала прототипических оценок усложнена в том отношении, что на ее элементах определены области минимума, максимума и П-нормы. Значение некоторого признака Q , характеризующего положение вещей W , будет для W прототипическ ой н ор м ой (П-нормой), если оно присуще большинству обладающих данным признаком положений вещей из некоторого множества A , к которому принадлежит и W , или если оно присуще W в большинство моментов его существования.

На шкале целевых оценок слева направо уменьшается легкость в достижении некоторой цели и, соответственно, возрастают усилия, необходимые для этого. Кроме областей максимума, минимума и Г-нормы, шкала гомеостатических оценок имеет еще область расширения Г-нормы. Значение некоторого признака Q будет гомеостатическ ой н ор м ой (Г-нормой) при достижении цели i , если оно позволяет достичь i , приложив усилия, меньшие или равные П-норме (термин «усилия» может характеризовать здесь затрату любого ресурса, имеющегося в распоряжении субъекта). Под целью в этом случае следует понимать такое положение вещей, которое некто намеренно хочет каузировать, чтобы обеспечить себе или какому-либо другому лицу оптимальные условия функционирования. Расширение Г-нормы образуют те из значений признака Q , при которых достижение цели i требует приложения чрезмерных (т. е. больших П-нормы) усилий или чрезмерного расходования какого-либо другого ресурса. Расширенная Г-норма при такой интерпретации представляет собой «соединение» Г-нормы и ее расширения (о понятии «нормы» см. [21, 18], см. также определение двух типов норм в [22]). Заметим, что введенные понятия П- и Г-норм достаточно естественно коррелируют с двумя важными значениями естественного языкового слова *норма*: «П-норма» соответствует *норме* как «установленному установлению / установленной мере чего-либо», а «Г-норма» — *норме* как «образцу, правилу», требующему подражания и действия; в этом смысле Г-норма более императивна². Все многообразие различных типов норм, исчисленных в [24], по-видимому, может быть сведено к П- и Г-нормам.

Последовательное различение этих двух категорий может стать ключом к объяснению ряда естественных языковых феноменов в картине взаимодействия семантики общеоценочных предикатов *хорошо* и *плохо*, с одной стороны, и понятия «нормы» — с другой [9, с. 19—21, 50—51]. Кроме

² Ср. также противопоставление «синтагматической» и «парадигматической» норм в [23].

того, оно позволит более точно описывать результаты введения отрицания в некоторые предикаты, ориентированные на П-шкалу. Так, в [24, с. 145] делается вывод, что отрицание одного конца оценочной шкалы приводит, как правило, к другому концу, ср.: *большой* vs. *небольшой* (= *малый*). Однако реальная картина здесь более сложна — отрицание «большого» конца шкалы может вести к появлению Г-оценки и совмещению ее с П-оценкой; *небольшой* — это не просто «меньше П-нормы» (т. е. *малый*), но и «равенство Г-норме». Ср. нежелательность **Эта небольшая комната мне не подходит* при естественности *Эта маленькая комната мне не подходит* и *Эта небольшая комната мне вполне подойдет* (см. подробнее [22], см. также ниже). Судя по [23], сходным образом ведут себя французские выражения: *il y a peu de lait* „молока немного, мало“, например, если много выпили и об этом сожалеют, и *il y a un peu de lait* „есть немного молока“, например, если выпили, но об этом не жалеют» [23, с. 107].

Свойство совмещения П- и Г-оценок распространяется и на многие прилагательные со значением неострого контраста типа *небольшой*, *неширокий*, *невысокий* и пр. Сложный аксиологический статус их значений (проявляющийся, впрочем, лишь в неконтрастивных позициях) составляет один из факторов, лежащих в основе особенностей их функционирования и сочетаемости, отмечаемых в [25, с. 341], со ссылкой на [26]. Так, невозможность образования сравнительной степени (**небольше*, **невыше*, **нешире*) по сравнению с обычными параметрическими прилагательными (*больше*, *выше*, *шире*) объясняется тем, что при этом теряется соотношение с Г-нормой и семантическая валентность на Г-норму, присущая прилагательным неострого контраста, «повисает в пустоте», не заполняясь ничем. Запрет на сочетаемость с наречиями, имеющими значение очень большой степени, типа **необыкновенно невысокий / неширокий / небольшой*, также определяется семантической связью с Г-нормой. В этом случае наречие, указывающее на значительное отклонение от П-нормы, фокусирует внимание на прототипической оценке и не сочетается с Г-оценкой, оставляя ее в стороне (ср.: *?необыкновенно подходящий*). Те же факторы действуют в запретах на сочетаемость с наречиями типа *почти*, поскольку в таких контекстах отрицается соответствие Г-норме; при этом соотношение с П-нормой видоизменяется во вполне допустимых пределах (ср.: *почти большой* и **почти небольшой*).

Разумеется, связь лексического значения с аксиологическими категориями может быть и более простой. Так, наречия *много* и *мало* соотносимы как с прототипическими, так и с гомеостатическими оценками [ср. пример (3) *Он получал много / мало писем*, в котором представлена П-оценка («количество получаемых им писем больше / меньше П-нормы» $\approx$ «он получал больше / меньше писем, чем другие») и пример (4) *Этих денег все равно мало для покупки магнитофона* («недостаточно для достижения цели *i*, т. е. покупки магнитофона», или «меньше расширенной Г-нормы»)]. Предикат *слишком* используется в таких ситуациях, когда значение соответствующего признака таково, что делает невозможным достижение некоторой цели (Г-оценка). Лингвистическая релевантность общих оценок, в шкале которых имеются области экстремумов — «хорошо» и «плохо» и зона «безразличия», «нейтральности», в особом доказательстве не нуждается.

Рассмотренные типы оценок и их шкалы образуют у р о в н и о ц е н к и ситуации и ее компонентов. Взятые в целом, они представляют иерархию уровней оценивания: количественные оценки $\rightarrow$ прототипические оценки $\rightarrow$ гомеостатические оценки $\rightarrow$ общие оценки. В этой иерархии

слева направо уменьшается дескриптивность оценки и усиливаются ее собственно оценочные свойства (каузальность, наличие выбора и очевидность ориентации на процесс принятия решений).

Прохождение всех уровней в процессе оценивания соответствует полной аксиологической процедуре. Не следует, однако, упрощать ситуацию: акт оценки не обязательно требует последовательного продвижения от одного уровня к другому в соответствии с оценочной иерархией. Более того, отклонения от «стандартного» пути оценки, т. е. от полной процедуры, задают типологию оценочных ситуаций, анализ которой сам по себе представляет значительный интерес. Приведем здесь лишь один пример: в ряде ситуаций сделать К-оценку не представляется возможным. В этом случае допустима непосредственная П-оценка, которая при необходимости может быть проинтерпретирована в терминах Г- и О-оценок, ср.: *Не знаю я, сколько в нем Метров / И Литров, И Килограмм, / Но Тигры, когда они прыгают / ОГРОМНЫМИ кажутся нам* [27, с. 116]. Кроме того, рассмотренные типы оценок связаны сложными взаимоотношениями. С одной стороны, К-оценки предшествуют П-оценкам, а П-оценки — Г-оценкам, по крайней мере, в том смысле, в котором описание ситуации предшествует ее оцениванию (это вполне соответствует естественной стратегии анализа ситуации). Однако, с другой стороны, «градуирование как психологический процесс предшествует измерению и счету» [21, с. 43], т. е. использование шкал К-оценок основано на сравнении и первичном градуировании недискретного континуума действительности в терминах, которые восходят к П-оценкам. Это касается и взаимодействия П- и Г-оценок. Формирование шкал П- и Г-оценок имеет взаимозависимый характер: фактически выражение *много Q* в смысле П-оценки имплицитно содержит информацию о том, что данного значения *Q* достаточно для достижения многих целей; с другой стороны, Г-норма прямо связана с оценкой прилагаемых усилий в терминах П-оценок (см. выше определение Г-нормы и расширенной Г-нормы).

В настоящей статье мы рассмотрим некоторые примеры взаимодействия количественных, прототипических, гомеостатических и общих оценок, т. е. попытаемся выявить наиболее типичные способы перекодировки К-, П-, Г- и О-шкал друг в друга или, другими словами, проанализируем некоторые варианты совмещения оценок различных типов, характеристических для логики практических рассуждений и фиксированных в структуре языка. Способы совмещения шкал иллюстрируются на материале паремий и некоторых предикатных лексем.

2. Аксиология паремии. Пословицы и поговорки представляют исключительно богатый материал для изучения закономерностей естественной логики, ее аксиологических закономерностей и анализа зафиксированных в языке стратегий оценивания. Выявление аксиологического потенциала пословиц и поговорок небезынтересно и для паремииологии как науки, поскольку в рамках собственно паремииологических исследований этому, как кажется, не уделялось должного внимания. Большинство имеющихся семантических классификаций паремий если и учитывает оценочные характеристики, то в весьма общей форме (ср. классификацию Дж. Б. Милнера в [28] и ее критику в [29]). Между тем выявление типов оценок и стратегий оценивания, зафиксированных в паремииологическом фонде, может служить основой классификации оценочных паремий. Особый интерес вызывает изучение того, в какой последовательности следуют в поверхностной структуре паремий типы оценок. Можно предположить,

что выявленные здесь закономерности отражают наивные (и часто неосознаваемые) представления носителей языка об аксиологических стратегиях.

Следует сразу оговориться, что предлагаемая ниже классификация стратегий оценивания ограничена по целому ряду параметров. Во-первых, она ориентирована лишь на эксплицитное выражение оценок в пословице, т. е. для фиксации типа оценки требуется наличие ее лексического представителя в поверхностной структуре паремии. Отсюда ясно, что в классификации учитывался лишь один слой значений пословицы — наиболее явный (об устройстве структуры плана содержаний паремий см., в частности [10, 30]). Анализ более глубоких слоев содержания и аксиологических следствий — особая задача, затрагиваемая здесь лишь частично. Во-вторых, основное внимание уделяется бинарным аксиологическим стратегиям, т. е. «двушаговой» оценке типа «Г-оценка → О-оценка», «П-оценка → Г-оценка» и т. д., поскольку они являются базовыми аксиологическими процедурами. И, в-третьих, поскольку цель исследования заключается в определении порядка следования оценок различных типов в поверхностной структуре пословиц, рекомендуемых (в широком понимании) те или иные аксиологические стратегии, то на привлекаемые к анализу паремии накладывались ограничения. Ядро исследуемого материала составили те паремии, которые с формальной точки зрения содержат два достаточно распространенных компонента, связанных главной предикацией, в которых выражаются соответствующие оценки. Содержательные ограничения касались прежде всего совместимости паремий с семантикой рекомендации. Интерпретация лексем с количественным значением упрощена в том смысле, что они рассматривались лишь в сфере действия иллокутивной силы акта оценивания, существенно усиливающей их оценочный потенциал и, соответственно, способность к «рекомендации». А «рекомендательность», по-видимому, составляет основу иллокутивной семантики пословицы. Следует также иметь в виду, что приводятся лишь те стратегии оценивания, которые наиболее часто встречаются в паремиях.

А. Стратегии с исходной количественной оценкой³.

I. Количественная оценка → прототипическая оценка: (5) а) *Одной жены / сына мало*; б) *Одна пчела — мало меду*; в) *Один враг — много, а сто друзей мало*.

II. Количественная оценка → гомеостатическая оценка: (6) а) *Одним конем все поле не изъездишь*; б) *Одно полено гореть не будет*; в) *Одну хворостину трудно зажечь, одного сына трудно научить*; г) *За двумя зайцами погоняться, ни одного не поймашь*; д) *Из-за одного цветка букет не распадётся*.

III. Количественная оценка → общая оценка: (7) а) *Одиночество опасно*; б) *Одному лучше всего*; в) *Две жены — неприятность*.

IV. Количественная оценка → количественная оценка: (8) а) *Двенадцать ремесел — четырнадцать несчастий*; б) *Девять ремесел — десять нищих*; в) *Два льва стоят десяти гиен*; г) *Один — это все равно, что никто*.

Стратегии оценивания, представленные в этой группе паремий, основываются на количественной оценке. Хорошо видно, что сама по себе количественная оценка недостаточна и предполагает дальнейшую аксиологическую интерпретацию. Так, четвертая подгруппа паремий, содержа-

³ Примеры паремий взяты из [8, 31].

щая обращение только к К-оценке, не может быть адекватно понята без расширения аксиологической процедуры до П-, Г- или О-оценок. Ср. легкость понимания примеров (8в, г), поддающихся дальнейшей интерпретации с помощью других типов оценок, и некоторую неясность паремий (8а, б), к которым применимость О-оценки, имплицитно содержащейся в лексемах *несчастье* и *нищий*, вне культурно обусловленных представлений о значимости несчастий в человеческой жизни (достоинства лишь складываются, а недостатки и печали умножаются) далеко не очевидна. Первые две подгруппы паремий не предполагают обязательного расширения аксиологической процедуры за счет других типов оценок, хотя и допускают это; для третьей подгруппы («К-оценка → О-оценка») расширение уже бессмысленно: О-оценка — конечный этап аксиологической процедуры.

Комбинаторика сочетания конкретной К-оценки с точками П-, Г- и О-шкал в данном случае, вообще говоря, произвольна. Анализ показывает, что одна и та же К-оценка в разных ситуациях может иметь различную интерпретацию: одного *Х* может быть и много (5в), и мало (5а, б); достаточно (расширение Г-нормы), как в паремии (6в), и недостаточно (5а, б); это может интерпретироваться и как «хорошо» (7в), и как «плохо» (7а, б).

Б. Стратегии с исходной прототипической оценкой.

І. Прототипическая оценка → гомеостатическая оценка: (9) а) *Когда много слуг, дело не делается*; б) *Скоро поедешь — не скоро доедешь*; в) *Мало-помалу птичка гнездо свивает*; г) *Мал горшок, да мясо варит*; д) *Из большого немудрено убавить, а из малого?* е) *Из большого выкроишь, а из малого зубами не натянешь*.

ІІ. Прототипическая оценка → общая оценка. (10) а) *Много детей — много благодати*; б) *Много детей — много неприятностей*; в) *Лучше меньше, да лучше*; г) *Много хорошо, а больше — лучше того*.

ІІІ. Прототипическая оценка → прототипическая оценка: (11) а) *Захочешь много — получишь мало*; б) *Много голов — много умов*; в) *Велик телом, да мал делом*; г) *Мал соловей, да голос велик*.

Комбинаторные варианты сочетаний П-, Г- и О-оценок в паремиях, отражающих предпочтение стратегий с исходной прототипической оценкой, также чрезвычайно разнообразны — вплоть до рекомендаций противоположного. Например, из пословиц (9д, е) можно сделать вывод, что много чего-либо во всяком случае не мешает делу, а примеры (9а, б, г) ориентируют носителя языка на то, что к большому стремиться не следует. Аналогично обстоит дело во второй группе паремий, представляющих стратегию «П-оценка → О-оценка». При интерпретации третьей группы пословиц (стратегия «П-оценка → П-оценка»), как и при понимании паремий со стратегией «К-оценка → К-оценка», желательно (хотя и в несколько меньшей степени) имплицитное расширение аксиологической процедуры до Г- и О-оценок.

¶ Последние два типа бинарных стратегий — с начальными Г- и О-оценками — представлены в рассмотренном материале (более двухсот оценочных паремий) довольно скудно. Так, для третьего типа оценивания (с начальной Г-оценкой) удалось зафиксировать лишь стратегию «Г-оценка → О-оценка», ср. (12) *Что не годится, то и худо*. Четвертый тип — с начальной О-оценкой — представлен прежде всего стратегией «О-оценка → О-оценка»: (13) а) *Что худо, то и плохо*; б) *Что плохо, то и худо*;

в) *По добру — добро, по худу — худо*. Заметим, что в последних двух типах оценивания не предполагается никакого дополнения аксиологической процедуры — общая оценка предстает здесь как конечный пункт аксиологического анализа.

В паремиологическом фонде зафиксированы не только стратегии оценивания, но и рекомендации предпочтения тех или иных типов оценок в зависимости от конкретной ситуации. В этом случае имеет смысл говорить о «моностратегиях» оценивания. В привлеченном материале были обнаружены две стратегии такого рода. Первая — отдает предпочтение П-оценке: (14) а) *Душа меру знает*; б) *Мера всякому делу вера*; в) *Ни много, ни мало*; вторая — рекомендует носителю языка оценивать ситуацию с точки зрения достижения поставленной цели (т. е. с точки зрения Г-оценки): (15) а) *Не то худо, что худо, а то, что никуда не годится*; б) *Не время дорого, пора*.

Приведенный материал указывает на несомненную значимость порядка следования оценок различных типов в поверхностной структуре паремий и позволяет на основании этого сделать некоторые предположения о типичных сочетаниях оценок и их последовательности в аксиологических стратегиях. Оказывается, что запреты на комбинаторные варианты сочетания оценок в аксиологических стратегиях зависят от положения оценки в полной аксиологической процедуре. Тем самым иерархия оценок полной аксиологической процедуры накладывает ограничения на возможные последовательности сочетаний оценок в бинарных стратегиях. Иными словами, можно сформулировать следующий постулат аксиологии паремий: если некоторая оценка является исходной в стратегии оценивания, то она сочетается либо с самой собою, либо с теми типами оценок, которые находятся справа от нее в последовательности «К-оценка → П-оценка → Г-оценка → О-оценка», отражающей полную аксиологическую процедуру.

Сформулированный постулат предпочтения непосредственно объясняет, почему в рассматривавшемся материале не оказалось стратегий типа «Г-оценка → К-оценка», «О-оценка → П-оценка» и т. п. В подобных стратегиях исходная оценка находится в аксиологической иерархии правее последующей, что противоречит постулату предпочтения. Определенное представление о стратегиях такого рода может дать устойчивое словосочетание *Хорошо, да мало*; однако оно скорее соответствует не рекомендуемой стратегии оценивания, а реальной последовательности событий — скажем, когда некий ресурс был, он удовлетворял некоторой цели (здесь, по-видимому, имеется в виду получение удовольствия), когда же ресурс исчерпался — оказалось, что надо еще. Кроме того, в этом словосочетании наречие *мало* выражает Г-оценку; близок к Г-оценке и смысл оценочного слова *хорошо*. Постулат предпочтения объясняет также ненужность расширения аксиологической процедуры при интерпретации паремий, представляющих стратегии с конечной О-оценкой. При этом для стратегий «К-оценка → К-оценка», «П-оценка → П-оценка», «Г-оценка → Г-оценка» такое расширение весьма желательно.

3. Аксиологические стратегии в предикатной лексике. Неоднократно отмечалось структурное сходство между лексической и паремиологической системами языка (см., например [10]). В какой степени это наблюдение справедливо применительно к выражению аксиологических стратегий? Исходя из способа «упаковки» смысла в паремиях и лексемах, их идиоматических характеристик, метафоричности, влияния контекста на понимание языкового сообщения (и имея в виду те типы паремий с явной

двукомпонентной структурой, которые обсуждались выше), можно предположить, что в лексемах порядок следования оценок либо вообще не будет никак выражаться, либо он будет малосущественным. Куда больший интерес представляют возможные способы сочетания оценок различных типов и типология совмещения участков К-, П-, Г- и О-шкал в аксиологических стратегиях при употреблении соответствующих лексем (для паремий типология совмещения участков шкал также весьма важна, однако из-за недостатка места эта проблема здесь практически не затрагивалась, см. [32]).

Аксиологическая структура предикатных лексем весьма разнообразна как с точки зрения набора оценочных шкал, так и с точки зрения особенностей их совмещения. Мы рассмотрим здесь лишь две группы лексических единиц, ориентированных на аксиологические стратегии с П- и Г-оценками, — наречия степени *едва*, *еле*, *чуть* (*чуть-чуть*) и вводные обороты *по крайней мере* и *по меньшей мере*.

Совмещение П- и Г-шкал в наречиях степени. Употребление наречий степени *едва*, *еле* и *чуть* (*чуть-чуть*) обнаруживает далеко не тривиальный набор стратегий оценивания ситуаций в категориях П- и Г-оценок. Так, *едва* и *еле* во фразах типа (16) *Рослый кучер едва/еле сдерживал горячих лошадей* указывают на то, что лошади были так разгорячены (П-оценка), что кучеру для того, чтобы сдержать их (достижение цели — Г-оценка), приходилось прикладывать чрезмерные усилия (усилия, большие П-нормы). В примере (17) *Тропинка была едва/еле заметна* реализуется другое значение этих наречий (вообще говоря, сводимое к первому): «степень заметности тропинки была такова (П-оценка), что если бы кто-нибудь захотел ее увидеть, то ему пришлось бы для этого приложить усилия, большие П-нормы»⁴. Тем самым стратегия оценивания в этих случаях предусматривает одновременно и П-оценку («степень горячности лошадей», «степень заметности тропинки»), и Г-оценку (цель — сдержать лошадей, увидеть тропинку), при этом способ совмещения оценочных шкал в примерах (16) и (17) различен: в (16) Г-оценка — область расширения Г-нормы, П-оценка — область «больше П-нормы»; в (17) Г-оценка — область расширения Г-нормы, П-оценка — область «меньше П-нормы».

Сходный способ совмещения шкал характеризует одно из значений наречия *чуть* (*чуть₁*), представленное в контекстах типа (18) *Сквозь сероватую мглу чуть видны широкие луга*. В предложении (19) *Серая краска на стенах была чуть-чуть заметна* реализуется другое значение *чуть* (*чуть₂*), которому соответствует иной способ совмещения П- и Г-шкал: достижение цели возможно при скромном приложении усилий [для (19) возможная цель — «увидеть краску»], хотя значение признака Q [в (19) — «заметность краски»] меньше П-нормы. Тем самым значение признака Q, меньшее П-нормы, совмещается с легкостью достижения гипотетической цели.

Этот способ совмещения шкал имеет корреляты в паремиологической системе: ср. паремии (9в) *Мало-помалу птичка гнездо свивает*; (9г) *Мал горшок, да мясо варит*, представляющие одну из стратегий с исходной П-оценкой («П-оценка → Г-оценка»).

Третье значение *чуть* — *чуть₃*, реализующееся, как правило, в редуцированной форме, связано с актуальным членением и выступает

⁴ Здесь рассматриваются лишь те части смысла наречий степени, которые существенны с точки зрения совмещения шкал П- и Г-оценок; излагаемая интерпретация основывается на [22, 33].

только в позиции ремы, ср. (20) *Он выпил [чуть-чуть]_R и не опьянел*. Здесь употребление *чуть-чуть* указывает на то, что значение некоторого признака, выраженное в предикате *P*, меньше *Π*-нормы и достичь гипотетической (или реальной) цели либо не удастся, либо для этого придется приложить чрезмерные усилия, ср. реализацию этого значения в (20): «он выпил столько, что если бы он при этом захотел опьянеть, то ему бы это не удалось». Таким образом, совмещение *Π*- и *Γ*-шкал идет по областям «меньше *Π*-нормы» — «меньше *Γ*-нормы» (включая расширение *Γ*-нормы).

Такое совмещение шкал также имеет некоторые аналоги в паремиологической системе, ср. пословицы: (9д) *Из большого немудрено убавить, а из малого?*; (9е) *Из большого выкроишь, а из малого зубами не натянешь*.

А к с и о л о г и я в ы р а ж е н и й п о м е н ь ш е й м е р е и п о к р а й н е й м е р е. Из предшествующего изложения нетрудно заключить, что оценочные амальгамы — органичное соединение нескольких типов оценок — совершенно рядовое явление в сфере предикатной лексики. Иначе и быть не может — промедление в акте принятия решения (на который и ориентирована оценка) может обернуться серьезными последствиями, а это требует «запаса» готовых схем, стратегий принятия решений, закрепляемых и в паремиологии, и в лексической системе. Комбинации оценок стимулируют появление сложных способов оценивания, учитывающих целые комплексы параметров ситуации. Показательно в этом смысле функционирование выражений *по меньшей мере* и *по крайней мере*. Поскольку полное семантическое описание этих выражений отсутствует, мы остановимся на них более подробно.

Традиционные словарные дефиниции, неизбежно лаконичные и расплывчатые, наделяют оборот *по крайней мере* значениями «хотя бы, во всяком случае» и «хотя бы, не меньше чем, самое меньшее, как минимум», а фразеологизм *по меньшей мере* — значением «хотя бы, не меньше чем, как минимум» [34]. Семантическое сходство этих фразеологизмов несомненно, что хорошо видно по традиционным толкованиям. Однако уже первичный анализ языкового материала озадачивает: различий в употреблении *по крайней мере* и *по меньшей мере* куда больше, чем это предсказывают имеющиеся словарные описания — во многих контекстах замена одного выражения на другое невозможна.

Можно выделить как минимум три контекста такого рода. В первом типе контекстов анализируемые выражения выступают в сочетании с лексемами, в значение которых входит семантический элемент «больше *Π*-нормы»; в таких примерах использование *по меньшей мере* невозможно, ср.: (21) *Я чувствую, что все [рабочие], по крайней мере (*по меньшей мере) большинство, станет под ружье, если понадобится*; (22) *Это требует использования всех ресурсов, по крайней мере (*по меньшей мере), большей их части*. Для второго типа контекстов релевантным оказывается сужение *Γ*-оценки до стремления к адекватности описания и достаточно естественная структуризация некоторого множества, попадающего в сферу действия исследуемых выражений; использование *по крайней мере* в таких контекстах затруднено, ср.: (23) *Его поведение по меньшей мере (?по крайней мере) странно* [странно > неприлично > отвратительно > гнусно], [24] *Пете он [пароход] всегда казался чудом кораблестроения, а поездка на нем из Одессы в Аккерман представлялась по меньшей мере (? по крайней мере) путешествием через Атлантический океан* [через Атлантический океан > через Индийский океан > через Тихий океан]. В третьем типе примеров реализуется семантика противопоставления; она

допустима лишь для *по крайней мере*, ср. (25): *Галя, по крайней мере (? по меньшей мере) красива, а эта — совсем никуда.*

Лишь в немногих случаях замена *по крайней мере* на *по меньшей мере* не приводит к неправильности — к их числу относятся примеры с «ресурсной» семантикой, ср. (26): а) *В нашу спортивную команду нужно, по крайней мере/по меньшей мере, десять человек;* б) *У нас еще есть время — по крайней мере/по меньшей мере, час.* Заметим, однако, что и в контекстах последнего типа, трансформированных в просьбы, такая замена также нежелательна, ср. (26в): *Дай мне по крайней мере! *по меньшей мере два рубля.* В этом случае *по крайней мере* близко по семантике одному из значений частицы *хоть*, ср.: *Дай мне хоть два рубля.* Приведенные примеры отражают основные особенности употребления выражений *по крайней мере* и *по меньшей мере*, интересные с точки зрения функционирования оценочных категорий. Эти особенности употребления могут быть объяснены, если исходить из предположения, что *по крайней мере* и *по меньшей мере* представляют различные стратегии оценки ситуации. Отправным пунктом анализа будет представление об общей ориентации этих выражений на семантику гомеостатических оценок. Различия же хорошо прослеживаются во внутренней форме этих фразеологизмов — семантика «меньшего» vs. семантика «края». Значение *по крайней мере* в первом приближении может быть описано так: *по крайней мере* $P \approx$ «рассматривая возможности достижения цели I и придя к выводу, что в данной ситуации наверняка можно достичь [лишь] некоторой подцели $I\ P$, я говорю тебе: P ».

В конкретных контекстах предложенное толкование может порождать некоторые следствия: «говорящий желает, чтобы приближение к цели I в P было более полным», «более полное приближение к цели I может оказаться возможным». Способы выражения валентности I при употреблении фразеологизма *по крайней мере* весьма разнообразны. В самом простом случае цель I непосредственно представлена в поверхностной структуре высказывания, ср.: (27) *Это потребует использования всех ресурсов, по крайней мере, большей их части;* (28) *Князь Михаил Илларионович! — писал государь—... Казалось, что пользуясь сими обстоятельствами, могли бы вы с выгодой атаковать неприятеля слабее вас или, по крайней мере, заставя его отступить, сохранить в наших руках значную часть губерний, ныне неприятелем занимаемых.* В других примерах цель несомненно присутствует, но из-за нестандартности ситуации ее трудно определить, не привлекая более широкого контекста. Так, в предложении (29) *Сидел бы лучше дома: тепло по крайней мере (*по меньшей мере)* в качестве цели может фигурировать достижение физического, морального и интеллектуального удовлетворения (при очевидной возможности достижения только физического удовлетворения).

Свойственная *по крайней мере* семантика «края», отчасти зафиксированная в толковании, не накладывает никаких ограничений на структуру множества альтернатив достижения цели I . По-видимому, этот фактор в какой-то степени объясняет нежелательность *по крайней мере* в примерах типа (23), (24), однако наиболее существенной здесь оказывается «вырожденность» самой цели I : Γ -оценка здесь лишь в желании «максимально» истинно описать положение дел, огорожив себя от возможных обвинений со стороны адресата. Иными словами, в этих контекстах Γ -оценка, «рутинизируясь» до требования максимальной адекватности, существенно изменяет свою сферу действия.

Аксиологическая структура *по крайней мере* двусмысленна — с одной

стороны, достижение цели I , может быть, и возможно, однако очевидно лишь достижение некоторой подцели $I - P$. Тем самым применительно к *по крайней мере* можно говорить о «моностратегии» оценивания, включающей лишь одну оценку — гомеостатическую. В этом проявляется «семантика края».

Второе рассматриваемое выражение — *по меньшей мере* — имеет более сложную аксиологическую структуру и налагает больше ограничений на множество возможностей описания ситуации: *по меньшей мере* $P_i \approx$ «рассматривая возможности характеристики ситуации s (или ее частей) по параметру P и упорядочив их по степени соответствия постулату истинности, я говорю тебе: P_i — последняя возможность в ряду возможностей, [как-то] удовлетворяющих постулату истинности». В значении *по меньшей мере* отражен феномен наведенной оценки — оценки как следствия из совокупности семантических элементов, образующих план содержания языковой единицы. В данном случае характеристика P как «последней возможности» при сопоставлении со шкалой П-оценок тяготеет к области «меньше П-нормы» — в этом, по-видимому, близость «меньшей» и «последней» меры; «последняя возможность» связывается с таким значением P , которое наименее приемлемо для говорящего в смысле соответствия постулату истинности, но еще допустимо (соответствие норме или ее расширению). Соотношение между шкалами П- и Г-оценок таково, что интерпретация значений параметра P , больших П-нормы, как «последней возможности» затруднено. Поскольку соответствие постулату истинности можно рассматривать как сужение сферы действия Г-оценки, то в значении *по меньшей мере* реализуется стратегия, предполагающая совмещение Г-нормы шкалы Г-оценок и области, меньше П-нормы, шкалы П-оценок.

Из приведенного толкования нетрудно выделить основные параметры, налагающие запреты на использование *по меньшей мере* в контекстах (21), (22), (25). К ним следует отнести (i) возможность формирования и иерархического упорядочения множества альтернатив характеристики, (ii) возможность наложения П-оценочной структуры на это множество («наведение» П-оценки); (iii) установление нижнего предела соответствия описания Г-норме. Легко видеть, что в контекстах примеров (21), (22) значение признака, соответствующего P , явно больше П-нормы, что приводит к невозможности употребления *по меньшей мере*. В примере (30) *Кто не почитает их [станционных смотрителей] извергами человеческого рода, равными покойным подъячим или, по крайней мере (*по меньшей мере), муромским разбойникам?* трудно упорядочить множество вариантов характеристики S (чего, вообще говоря, не требуется при использовании *по крайней мере*). Интерпретируя последнее высказывание, современный носитель языка вряд ли сможет установить различия по признаку «быть извергом» между «покойным подъячим» и «муромским разбойником», а уж об определении П-нормы и говорить не приходится, ср. также (29). Аналогичные причины осложняют использование *по меньшей мере* в контекстах типа (25): множество характеристик обсуждаемых лиц не упорядочено естественным образом и речь идет, скорее, о количестве. Кроме того, в этих случаях большую коммуникативную значимость приобретает другая сфера действия Г-оценки — соответствие лица критериям выбора, характерная для семантики *по крайней мере*.

Интересно исследовать причины, запрещающие использование *по меньшей мере* в просьбах типа (26в). Как было показано выше, *по крайней мере* фиксирует лишь то, что P соответствует некоторой подцели I ,

тем самым в просьбе в первую очередь актуализируется смысл «дай *P*» и лишь потом (как следствие) адресат может установить, что говорящему желательно больше, чем *P*. Отсюда дальнейший шаг вывода — говорящий намекает, что и так просит мало. При употреблении *по меньшей мере* последнее куда более очевидно для адресата, поскольку это выражение непосредственно требует формирования и структуризации соответствующего множества альтернатив описания ситуации *S*. Тем самым в контексте *по меньшей мере* просьба приобретает вид «дай *P* или больше *P*», что противоречит самой стратегии поведения в подобных ситуациях — либо следует требовать *P*, намекая на то, что нужно-то больше (ср.: *по крайней мере, хоть*), либо сразу требовать больше. Действительно, и без *по меньшей мере* фразы типа **Дай мне два рубля или больше* выглядят странными (ср. также **Дай мне как минимум/не менее/не меньше двух рублей*). Переведение эксплицитной просьбы в контекст описания необходимости делает предложение совершенно нормальным, ср.: *Мне нужно как минимум два рубля*.

Предложенная интерпретация указывает на то, что в семантике *по крайней мере* и *по меньшей мере* куда меньше общего, чем это можно было бы предположить по их словарным толкованиям. Однако с точки зрения диалога их функции весьма похожи — они выражают уступку адресату: «край» и «меньшая мера» оценивания выбираются именно для того, чтобы быть максимально вежливым по отношению к собеседнику, попытавшись взглянуть на ситуацию его глазами. Стремление к достижению консенсуса (пусть чисто внешнее) при употреблении этих единиц несомненно. Основные различия в семантике *по крайней мере* и *по меньшей мере* определяются параметрами структуризации множества альтернатив достижения цели *I* и описания ситуации *S* (или ее частей); различными сферами применимости Г-оценки и возможность «наведения» П-оценки.

С точки зрения теории оценки весьма существенно, что в сфере лексики оказались зафиксированы различные стратегии оценки ситуации и различные способы совмещения Г- и П-шкал, причем одна из стратегий, связанная с *по крайней мере*, ориентирована исключительно на Г-оценку и категорию поддели, а другая — соответствующая *едва, еле, чуть и по меньшей мере* — требует привлечения и П-оценки (П-нормы), и Г-оценки. Обобщая результаты анализа аксиологии предикатных слов, можно с некоторой долей уверенности утверждать, что структурное сходство лексики и паремии в области оценки и есть, и нет. Оно есть, если речь идет об оценочных категориях (типах оценок) в значениях лексем и паремий, о стратегиях оценки и способах совмещения шкал. Однако его нет, если мы попытаемся найти точные аналоги значений оценочных паремий и оценочных предикатов — слишком значительны различия в количестве сочетающихся смыслов, «слитности» выражения значения, идиоматичности и т. д.

Характеристика чего-либо станет оценкой лишь тогда, когда мы захотим этого — выберем ее из некоторого парадигматического ряда (множества) характеристик, внутренне обоснуем этот выбор и свяжем с возможным процессом принятия решений. Оценка по сравнению с дескрипцией более рациональна (это, впрочем, не означает, что дескрипция сводится к инварианту дескрипции и оценки — к характеристике). Фрейм оценки задает типологию случаев отклонения от «аксиологического идеала», которая реализуется в различных типах языковых оценок, организованных в иерархию полной аксиологической процедуры.

Ориентация оценки на процесс принятия решений приводит к фиксации наиболее часто встречающихся стратегий оценивания в представлениях человека о мире и о закономерностях поведения в нем. Последнее находит отражение в языковой структуре. Языковые рефлексы когнитивных аксиологических стратегий имеют вид устойчивых последовательностей применения оценок различных типов при аксиологическом анализе ситуации и способов совмещения аксиологических шкал. Готовые аксиологические стратегии, будучи непосредственно закреплены в семантике паремий и в предикатной лексике, образуют языковые «мемы» [35], хранящие культурно зависимые представления о структуре деятельности. В этом можно видеть одну из форм языковой передачи практического опыта человечества, о чем с убежденностью писал В. фон Гумбольдт [1].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гумбольдт В. фон. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества // Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М., 1984.
2. Кацнельсон С. Д. Типология языка и речевое мышление. Л., 1972.
3. Апресян Ю. Д. Личная сфера говорящего и наивная модель мира // Семiotические аспекты формализации интеллектуальной деятельности: Тез. докл. школы-семинара. М., 1985.
4. Пермяков Г. Л. К вопросу о структуре паремиологического фонда // Типологические исследования по фольклору. М., 1975.
5. Аристотель. Никомахова этика // Аристотель. Соч.: В 4-х т. Т 4. М., 1984.
6. Ивин А. Л. Основания логики оценок. М., 1970.
7. Арутюнова Н. Д. Аксиология в механизмах жизни и языка // Проблемы структурной лингвистики. 1982. М., 1984. С. 5 — 23.
8. Даль В. И. Пословицы русского народа. М., 1957.
9. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. М., 1985.
10. Левин Ю. И. Провербиальное пространство // Паремиологические исследования. М., 1984.
11. Лотман Ю. М. Тезисы к проблеме «Искусство в ряду моделирующих систем» // Труды по знаковым системам. Вып. 3. Тарту, 1967.
12. Вендлер З. О слове *good* // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. X. М., 1981.
13. Katz J. J. Semantic theory and the meaning of «good» // Journal of Philos. 1964. V. 61. № 23.
14. Хэар Р. М. Дескрипция и оценка // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. М., 1985.
15. Чейф У. Данное, контрастивность, определенность, подлежащее и точка зрения // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XI. М., 1982.
16. Степанов Ю. С. В трехмерном пространстве языка. М., 1985.
17. Bolinger D. Degree words. The Hague; Paris, 1972.
18. Червенкова И. В. Общие адвербиальные показатели меры признака в современном русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1975.
19. Arvanov A. N., Parshin P. B. On some hierarchies within the structure of evaluative categories // Symposium on language universals. Tallinn, 1987.
20. Остин Дж. Л. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XV. М., 1985.
21. Сэпир Э. Градуирование // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. М., 1985.
22. Баранов А. Н. К описанию семантики наречий степени (*едва, еле, чуть, немного*) // ФН. 1984. № 3.
23. Степанов Ю. С. Французская стилистика. М., 1965.
24. Арутюнова Н. Д. Ненормативные явления и язык // Язык и логическая теория. М., 1987.
25. Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. М., 1974.
26. Кжижкова Е. Количественная детерминация прилагательных в русском языке // Синтаксис и норма. М., 1974.
27. Милл А. Винни-Пух и все-все-все. М., 1977.
28. Milner G. B. De l'armature des locutions proverbiales: Essai de taxonomie sémantique // L'homme. 1969. № 9.
29. Дандис А. О структуре пословицы // Паремиологический сборник. М., 1978.

30. *Черкасский М. А.* Опыт построения функциональной модели одной частной семиотической системы (пословицы и афоризмы) // Паремнологический сборник. М., 1978.
31. Паремнологический сборник. М., 1978.
32. *Баранов А. Н., Паршин П. Б.* Оценочный аспект когнитивного стиля и его языковые корреляты // Когнитивные стили. Таллинн, 1986.
33. *Баранов А. Н.* Наречия *едва, еле* и их семантика // *Ceskoslovenská rusistika*. 1984. № 4.
34. Фразеологический словарь русского языка/ Под ред. Молоткова А. И. М., 1978.
35. *Hofstadter D. R.* Metamagical themas: Questing for the essence of mind and pattern. N. Y., 1985.